

СВЕТ И ТЬМА.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Лария Филина.

18+

Илария Филина

Свет и тъма.

«Автор»

2026

Филина И. С.

Свет и тьма. / И. С. Филина — «Автор», 2026

Роман «Свет и тьма» наполнен страстью и предвкушением. Это начало захватывающей истории! Роза, художница по человеческой коже, сталкивается с загадочным клиентом, чьи слова обещают нечто большее, чем просто татуировку. Чувствуется предвкушение чего-то особенного, чего-то, что потребует от Розы всего её мастерства и интуиции. Загадочный незнакомец, чей голос кажется пропитанным болью или тайной, хочет не просто украсить своё тело, а найти в татуировке отражение своей внутренней сущности. Это именно те задачи, которые разогревают кровь художника, заставляя его выходить за рамки привычного. История, которая «перевернет её обычный день», обещает множество поворотов и открытий. Роза, открытая к погружению в чужие переживания, кажется идеальным человеком для такой миссии. Автор уведомляет, что события, персонажи, а также присущие им особенности мировоззрения полностью вымышлены. Любые совпадения с реальностью являются случайностью. Автор не разделяет точек зрения ни одного из персонажей.

© Филина И. С., 2026

© Автор, 2026

Илария Филина

Свет и тъма.

Глава 1. Звонок от незнакомца.

Судьба не раз преподносила Розе, мастеру татуировок и пирсинга, неожиданные сюрпризы. Её дар выходил за рамки простого ремесла; она была художником, чьим холстом служила человеческая кожа. Искусный профессионал своего дела, виртуозно владея иглами, превращала обыденные тела в галереи живого искусства. Каждый штрих, каждая линия — это её диалог с миром, её способ оставить след, запечатлеть эмоцию, рассказать историю.

Внешность Розы казалась лишь прелюдией к её истинной сути: неземная красота, грация, от которой замирало сердце, и душа, сияющая подобно далёкой звезде. В ней сплетались сила и нежность, огонь и спокойствие, создавая неповторимый образ. Глаза цвета зелёной листвы могли пленить с первого взгляда, а широкая добрая улыбка — растопить самый крепкий лёд.

Её студия, расположенная на окраине города, стала не просто рабочим местом, а настоящим святилищем. Здесь, среди приглушённого света, тихого гудения машинки и терпкого запаха антисептика, рождались шедевры. Клиенты приходили к Розе не только за татуировкой, но и за частицей её магии, за тем, чтобы их истории обрели телесное воплощение. Она вкладывала в каждый рисунок душу, чувствуя человека, улавливая его сокровенные желания и страхи и перенося их на кожу так, чтобы они стали частью его самого.

В один из самых обыденных дней раздался звонок. Незнакомый номер нарушил тишину, предвещая нечто иное, чем привычная рутина. Она недолюбливала пустую болтовню, но в этом голосе, чужом и глубоком, таилось нечто, сумевшее зацепить её внимание.

— Я вас слушаю, — произнесла она, опираясь локтем на прохладную поверхность стола. Внешне её голос звучал сдержанно, но внутри уже разгоралось жгучее любопытство. Незнакомец издал прерывистый звук — кашель, словно пытаясь собрать воедино слова. Его дыхание было тяжёлым, давящим, будто каждое новое слово рождалось с невероятным усилием.

— Вы Роза, тату-мастер? — прозвучал хриплый голос незнакомца.

«Да, именно я», — ответила Роза. — Мне нужна особенная татуировка, — проговорил он, и в его голосе промелькнула едва уловимая скрытность. — Она не должна быть просто рисунком. Она должна стать частью меня, отражением моих душевных терзаний. Это имеет огромное значение. Розу пронзило любопытство. Она обожала такие заказы — те, что проверяли не только мастерство, но и способность заглянуть в самую глубь человеческой души.

«Расскажите мне подробнее», — мягко предложила она, готовая погрузиться в мир чужих переживаний и воплотить их в вечном узоре на коже.

Незнакомец, казалось, колебался, собираясь с мыслями, прежде чем начать историю, которая, как чувствовала Роза, перевернёт её обычный день.

— Хорошо, слушайте, — начал незнакомец, и в его голосе появились оттенки грусти.

— Я потерял всё. То, что было мне дорого, исчезло в одночасье, оставив лишь пустоту и боль.

Мне нужна татуировка, которая будет символизировать эту потерю, но не как клеймо, а как напоминание о том, что даже в самой глубокой тьме есть место для света. Я хочу, чтобы это было нечто, что сможет вернуть мне хотя бы частичку моей прежней силы — силы, которая позволит мне идти дальше.

Его рассказ, начавшийся тихо и неуверенно, постепенно набирал обороты, наполняясь утраченными надеждами и горькими сожалениями. Он говорил о пушистой кошечке, чьё мурлыканье раньше заполняло его дом, о нелепой случайности, изменившей всё, о тех моментах, когда он мог бы поступить иначе, но упустил свой шанс, о роковых просчётах и мучительных сожалениях, истязавших его душу. Эти ошибки, словно острые осколки, ранили его до глубины души, не давая покоя ни днём, ни ночью.

Но в словах незнакомца звучала не только скорбь. Проскальзывали отголоски нестигаемой воли, непоколебимого стремления к свету. Он верил, что даже после самой страшной бури обязательно наступает рассвет, и эта вера давала ему силы бороться. Он искал символ, который мог бы стать якорем в этом море отчаяния, напоминанием о том, что жизнь продолжается и новое начало возможно, даже когда всё кажется потерянным.

«Я хочу, чтобы татуировка говорила о моей боли, но не останавливалась на ней, — сказал он.

— Она должна напоминать мне о том, кем я был, и указывать путь к тому, кем я могу стать. О силе, которая таится внутри, даже когда кажется, что её больше нет».

Его история была полна метафор и скрытых смыслов, но главное — она была пропитана надеждой. Надеждой на исцеление, на обретение внутренней силы, которая позволит вновь подняться и идти вперёд, несмотря ни на что.

Роза внимательно слушала, ощущая, как слова незнакомца резонируют с её собственным внутренним миром. Она понимала перед ней просто клиент, а человек, познавший горе, и её художественный инстинкт подсказал ей, что эта татуировка должна стать не просто рисунком, а талисманом, источником утешения и надежды.

— Я понимаю, — тихо произнесла она.

— Я сделаю всё возможное, чтобы воплотить вашу историю в жизнь. Есть ли у вас какие-то конкретные образы, которые вы хотели бы видеть? Или вы доверяете моему видению?

Незнакомец на мгновение задумался.

«Я думаю, я доверяю вашему видению», — сказал он, и его голос звучал немного тише.

— «Я хочу, чтобы это было что-то, напоминающее мне о том, что даже в самые тёмные времена есть свет. Что-то, что говорит о стойкости».

«Я поняла», — прошептала Роза.

— «Я представлю вам несколько эскизов. Уверена, мы найдём то, что будет вам подходить».

Она почувствовала, как в ней пробуждается та самая искра, которая делала её работу не просто ремеслом, а призванием. В этот момент она знала: эта татуировка станет одной из самых значимых в её карьере.

«Я доверяю вам», — ответил незнакомец, и в его голосе послышалась едва уловимая надежда.

— «Я слышал о вашем таланте, о том, как вы чувствуете душу клиента и переносите её на кожу. Мне хочется, чтобы это было не просто изображение, а символ — символ борьбы, нестигаемой стойкости и, в конечном итоге, триумфального возрождения. Что-то, что вечно будет напоминать мне: жизнь продолжается, даже когда кажется, что последняя искра надежды угасла».

— Я кое-что придумала, — сказала Роза.

— Это будет сложный, но очень красивый узор. Он будет сочетать в себе символы утраты и обретения, скорби и надежды. Это будет татуировка, которая расскажет вашу историю, но также откроет новую главу вашей жизни. Я уверена, что она станет вашим верным спутником и источником внутренней силы».

Он тяжело вздохнул, и Роза представила себе человека, переживающего из-за того, что с ним произошло.

«Я понимаю, — проговорил он, — но я так устал. Эта боль — она преследует меня повсюду. Я хочу, чтобы она ушла. Хочу начать заново, но не могу. Мне нужна помощь. И я слышал, что вы — лучшая. Что вы можешь создать то, что исцеляет».

— Я могу воплотить ваши чувства, ваши стремления, могу создать прекрасное. Но сама боль, сама память — они останутся внутри. Татуировка может стать маяком, напоминающим

о том, что вы перешагнули через трудности, символом новой жизни. Но стереть прошлое — это работа души, а не иглы.

— Я могу вдохнуть в узор новую жизнь, дать вам опору. Но исцеление оно начинается с вас, — ответила она, чувствуя, как её собственное сердце сжимается от сочувствия. Положив трубку. Роза знала: будет не просто татуировка. Будет её ответственность за чужую душу, запечатанную в чернилах.

Глава 2. Начало.

В назначенный день незнакомец явился в студию пирсинга и татуировки. Войдя, он представился:

«Я Егор Гаста, музыкант. А вы — Роза?»

— Да, я Роза, — с тёплой улыбкой ответила она.

Роза предложила Егору перейти на «ты».

«Так будет теплее, по-домашнему», — объяснила она. Егор с улыбкой согласился.

Она, привыкшая к блеску и лоску, к отточенным фразам и манерам, растерялась. Перед ней стоял человек, словно вырванный из забытого Богом мира, потерянный в лабиринтах собственного бытия.

Он предстал перед ней совсем не таким, каким она ожидала его увидеть. Скорее это был уставший от жизни человек с карими, бездонно печальными глазами, в которых, казалось, отражались все его невысказанные боли. Его руки, на удивление тонкие и нервные, выдавали его. Егор был низкого роста, худощавый, далеко не привлекательный, а крупный нос был отмечен давним шрамом. Нескладный Егор, чья речь, прерываемая надсадным кашлем и сдобренная нецензурной бранью, кричала о полном отсутствии воспитания. Неухоженность, перхоть, прилипшая к волосам, словно не знавшим воды долгие годы, — всё это шло вразрез с её ожиданиям. И чем больше она всматривалась в его измученное лицо, тем больше что-то внутри неё начинало меняться. Печаль в его глазах казалась до боли знакомой, словно отражение её собственной.

Возможно, именно его неухоженность, откровенная непривлекательность и незащищённость, проглядывающая сквозь грубую оболочку, тронули её. Ведь именно в такие моменты, когда все маски сброшены, видно истинное лицо человека. Егор словно раненый зверь... в глубине его глаз столько тоски.

Он улыбнулся, словно пытаясь укрыться от её оценивающего взгляда, и снова закашлялся, сотрясаясь всем телом. Этот звук, утробный и надрывный, резанул её слух, словно осколок стекла. И всё же в этом жалком, почти сломленном человеке было что-то такое, что заставило её сердце дрогнуть. Возможно, его уязвимость, эта неприкрытая боль, которая, казалось, прорывалась сквозь толстый слой грязи и пренебрежения к себе.

«Ты откуда такой выбрался? Откуда такая небрежность?» — спросила Роза.

Он, неуверенно потеряв затылок, чихнул и улыбнулся. Роза приступила к работе. Под её искусными пальцами магия чернил оживала, ложась на кожу там, где предстояло запечатлеть её мастерство. Её иглы порхали с виртуозной легкостью, оставляя на теле Егора замысловатые узоры, истории, мечты.

Каждая линия, каждый штрих были наполнены смыслом, создавая на его коже полотно из чувств и воспоминаний. Роза была художником, а его тело — холстом, на котором она творила свою магию. Она работала с полной сосредоточенностью, погруженная в процесс, словно в глубокую медитацию.

Её руки, тонкие и ловкие, порхали над его кожей, оставляя за собой след из боли и преображения. Семь игл, одна за другой, впивались в плоть, вышивая на ней узоры, которые раньше существовали лишь в его самых смелых мечтах. Это было больше, чем искусство; это был ритуал, посвящение в новую жизнь.

Егор замер, чувствуя, как каждая игла проникает в него, сдирая старую оболочку. Боль, острая, но терпимая, смешивалась с экстазом. Он смотрел на Розу, на её сосредоточенное лицо, в её зелёные глаза, сверкающие, и понимал, что больше никогда он не будет прежним. Это был его собственный апофеоз, запечатлённый на холсте его тела.

Когда последняя игла вышла, Роза улыбнулась. Её улыбка была полна хитрости и удовлетворения. Она достала тонкий металлический обруч и ловким движением проделала пирсинг в его носу. Блеск металла, холодный и дерзкий, стал финальным акцентом. Егор коснулся пальцем нового украшения, чувствуя его вес.

Он посмотрел на себя в зеркало. Семь татуировок, семь жизней, семь обещаний. И пирсинг в носу, как яркая печать, подтверждающая его преображение. Егор ощущал, как по венам разливается новая энергия, пульсируя в такт с каждой линией на его коже. Он был готов. Готов ко всему, что уготовила ему судьба.

Роза сделала семь безупречных татуировок, каждое изображение — словно откровение; семь — как великое святое число, ведущее к свету, к Богу. И пирсинг в носу — тонкое кольцо, обрамляющее одну из новых линий на лице Егора. Она была довольна своей работой, и он — тоже. Каждый штрих, каждый изгиб линии был исполнен с мастерством, отражающим глубокое понимание искусства и человеческой души.

Пирсинг в носу поблескивал металлом, добавляя финальный штрих к новому облику Егора. Это было не просто украшение, а символ трансформации, знак новой главы, начавшейся с каждым движением иглы. Он чувствовал себя обновленным, наполненным новой энергией, запечатленной на его коже. Каждая татуировка рассказывала свою историю, сплетаясь в единый узор, который отражал его внутренний мир, его стремления и его мечты.

Егор прикоснулся кончиками пальцев к едва заметному блеску кольца в носу, ощущая прохладу металла. Этот маленький, но значимый акцент завершал образ, делая его более смелым, более выразительным. Он ощущал прилив уверенности, словно каждая линия на его теле была заряжена силой и смыслом. Роза, наблюдая за ним, видела в его глазах отражение своего таланта и того глубокого удовлетворения, которое рождается, когда искусство встречается с человеком, преображая его.

Оставив Егора наедине с его мыслями, Роза бесшумно удалилась в крохотную ванную комнату, примыкавшую к туалету.

Егор остался один, вглядываясь в своё отражение в зеркале. В тусклом свете студии он видел себя таким, каким видел его мир: неопрятным, жалким, с выжженной на лице печатью неустроенной жизни. Но что-то изменилось. В глазах, ещё недавно тонувших в бездонной тоске, теперь загорался неведомый ему огонёк. Он ощущал слабое, но отчётливое тепло, исходящее от места, которого коснулась Роза. Неужели это предвестие чего-то нового? Её прикосновение стало символом желанного, неуловимого.

В тот момент, когда его мысли витали где-то на грани реальности и грёз, Егор почувствовал, как меняется его внутренний мир. Исчезла гнетущая тяжесть, которая давила на него. На её месте появилось нечто лёгкое, манящее, подозрительно напоминающее надежду. Он прикоснулся к щеке, той самой, которой касалась Роза, и ощутил не только тепло, но и прилив сил. Словно по волшебству, простое прикосновение Розы, которую он едва знал, преобразило его.

Егор никогда не встречал такого сочетания грубой силы и утончённого искусства, какое увидел в ней, в её творениях. Её руки могли придать форму самой материи, а взгляд — заставить зазвучать самые скрытые струны души. В каждом её движении, каждом слове чувствовалась сила, способная изменить мир или, по крайней мере, его собственный. Он возвращался мыслями к тому мигу, когда она коснулась его кожи иглой, нанося татуировки. Она ворвалась в его серое существование как буря, сметая пыль долгих унылых дней.

Эти узоры, запечатлённые на его теле, стали не просто рисунками, а шрамами битв, которые он раньше не замечал, не осознавал. Теперь же, под её прикосновением, эти шрамы ожидали, наполнялись смыслом, свидетельствовали о пройденном пути. Она, словно скульптор, высекала из него нечто новое, нечто, что таилось под поверхностью, ожидая своего часа.

Его прежняя жизнь казалась теперь тусклой копией, блёклым намёком на то, что могло бы быть. Она же, напротив, своим присутствием раскрашивала мир яркими, невиданными

красками. Егор чувствовал, как внутри него просыпается дремавшее доселе существо, жаждущее отведать этой полноты жизни, этой страсти, что исходила от неё. Он был её холстом, её глиной, её мрамором, и он готов был отдаться этой преобразующей силе без остатка.

Её волосы, отливающие золотом спелой пшеницы, обрамляли лицо, которое могло бы принадлежать божеству света или тьмы — столь неодолимо властным и манящим было оно. Казалось, сама вечность застыла в её взгляде, глубоком, как ночное небо, и одновременно ярком, как полуденное солнце. Каждый изгиб её губ хранил тайну, а движения рук были текучи и исполнены такой немислимой красоты. Егор, давно забывший, что такое вдохновение, ощутил, как в его опустошённой душе пробуждается давно притихший огонь.

Он помнил каждый штрих, каждый поворот иглы, который она превращала в живое произведение искусства на его руках и теле. Прикосновения были одновременно нежными и решительными, словно она знала тайны его кожи лучше, чем он сам. Комната, окутанная запахом чернил и стерильности, стала для него убежищем, местом, где реальность теряла свои острые углы, а серость уступала место смелым линиям и ярким краскам. Егор чувствовал, как его собственная жизнь обретает цвет. Рутинa, ставшая второй натурой, начала отступать, уступая место жажде неизведанного. Он начал видеть мир другими глазами, замечать красоту в мелочах, которые раньше ускользали от него. Роза не просто нарисовала на его коже — она нарисовала новый мир в его душе. Егор понял, что влюбился. Влюбился не только в искусство, но и в ту, кто стала его светом, возродившим его к жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.